

КОММУНИКАТИВНИЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СМЫСЛА

В статье рассматривается значение методологии исследования смысла, которая основана на коммуникативной парадигме, которая совмещает достоинства как менталистской, так и лингвоцентристской парадигм, одновременно устраняя их недостатки. Парадигмы предполагают разные методологии исследования, о которых сформулированы три тезиса. Во-первых, они имеют противоположную направленность. Во-вторых, имеют свои онтологические предпосылки, которые делают их одинаково обоснованными. И, в-третьих, внутренняя логика их развития направлена на сближение. В статье представлен процесс постепенного формирования коммуникативной парадигмы изучения смысла. Также, рассматриваются две логико-философские концепции, которые повлияли на развитие всей семантики.

Ключевые слова: *смысл, парадигма, коммуникация, язык, логическая семантика, текст, концепция.*

В изучении смысла речевых выражений продуктивными выявляются парадигмы «ментализма» и «формализма» («лингвоцентризма»), которые периодически сменяют друг друга во времени, в зависимости от того, какой из них исследователи доверяют больше. При этом, «менталисты» считают источником смыслов сознание человека, а работу языка понимают, как воплощение, структурирование, репрезентацию содержания сознания в некоторых знаковых структурах. Сознание порождает и сохраняет смыслы, представляющие целостность сознания через дискретные образования знаков, через язык как механизм объективации. Другими словами, языковые смыслы порождаются активностью сознания, его системой. «Формалисты» («лингвоцентристы») суть процессов смыслообразования понимают, как работу языка, языковой формы, которая производит любые смыслы. Язык как целое, как система через свою внутреннюю структуру, порождает смыслы в соответствии с «правилами игры», которые установлены в любом языке. Без изучения структуры языка на всех ее уровнях, без изучения правил функционирования языка невозможно изучение смысла. Здесь получается, что смыслы происходят от языка, зависят от его потенциала. Существование указанных двух парадигм имеет собственные онтологические и гносеологические основания, связанные, в первую очередь, с пониманием сущности, структуры, функционирования языка и его места в бытии человека.

В этой связи, уместно обратиться к семиотике – науке, предметом изучения которой является язык в широком смысле. Если в качестве метаязыка использовать семиотику, то существование двух упомянутых выше парадигм

можно представить, опираясь на общеизвестную схему семиозиса. Эта схема фиксирует «клеточку» коммуникации (ситуацию семиозиса), в которой заметна работа языка. Именно в ситуации семиозиса любой объект становится знаком; вне этой ситуации нет ни знаков, ни текстов, ни смыслов. Итак, рассмотрим один из вариантов схемы, который приведен в книге Л.Н. Сумароковой «Основы логики» [1, с.39], а также трактовку этого варианта, предложенную этим автором в статье «О соотношении простоты и системности в лингвистических теориях» [2, с.186-201]. В схеме семиозиса как минимум пять элементов: S1 – говорящий (адресант); S2 – слушатель (адресат); Z1...Zn – объекты (слова в том числе) – знаки; P1...Pi – предметные значения знаков; Q1...Qj – смысловые значения знаков.

Парадигма ментализма опирается на ту часть схемы семиозиса, в которой фактически представлены явно все элементы, кроме S2. Эта парадигма сформирована с позиций адресанта (S1): в его сознании задаются смыслы, в его сознании они формируются с участием когнитивных и других подсистем, затем они представляются, кодируются, выражаются (продуцируются) в некоторой знаковой форме (текста), что несет как предметное, так и смысловое значение. S2 в момент смыслообразования существует лишь потенциально, виртуально. В этом случае можно говорить о «свернутом варианте» функционирования схемы коммуникативной ситуации: отношение продуцирования реализуется явно, эксплицитно, а отношение интерпретации – присутствует неявно, имплицитно, а иногда и потенциально. Парадигма формализма, в свою очередь, опирается на ту часть схемы семиозиса, в которой представлены явно все элементы, кроме S1; эта парадигма сформирована с позиции адресата (S2): он реконструирует смысл за воспринимаемым готовым текстом, он интерпретирует текст. Структура текста в этом случае во многом задает смысл элементов текста. Именно в силу этого смысл текста не состоит целиком из первоначальных смыслов отдельных слов. Исходные смыслы отдельных слов, конечно, принимают участие в реконструкции смысла текста, но их «дотекстовый» вариант во многом трансформируется, перестраивается текстом как целым. S1 в этой парадигме существует неявно, виртуально, и перед нами новый вариант «сворачивания» коммуникативной ситуации, где уже отношение продуцирования задано неявно. Существует объективная дополняемость двух подсистем общения – подсистемы говорящего (S1) и подсистемы слушателя (S2). Одновременно они не могут реализовываться в силу линейности языка: в каждый момент времени актуально «работает» лишь одна из них, и каждый коммуникант играет при этом только одну роль – или S1, или S2. Актуализированным отношением коммуникации в каждый момент времени есть или отношение «смысл → текст», или отношение «текст → смысл».

Таким образом, охватить сразу обе подсистемы в одной модели языка достаточно сложно, что и составляет гносеологические аспекты «изоляции» парадигм. Это объективное основание для существования в науках о языке и в философии двух дополнительных по отношению друг к другу парадигм. Эти парадигмы предполагают различные методологии исследования, которые можно охарактеризовать тремя тезисами. Во-первых, они имеют

противоположную направленность; во-вторых, имеют свои онтологические предпосылки, которые делают их в равной мере обоснованными; в-третьих, внутренняя логика их развития направлена на сближение, хотя ни причины, ни механизмы, ни результаты этого сближения не ясны, и практически мало исследованы в современной методологии. Эти три тезиса дополняют основное содержание гипотезы о существовании двух парадигм исследования смысла.

Следует учитывать, что именно в лингвистике и логике, в логической семантике накоплен огромный материал, который непосредственно связанный с анализом самого понятия «смысл», что смысл языковых выражений – один из самых существенных проявлений смысла. Другие проявления смысла – в действиях, в жизни, в истории и т.д. – могут быть также представлены в языке, если язык при этом понимать достаточно широко. Важно подчеркнуть, что сам термин «смысл» понимается в логической семантике неоднозначно. В одних случаях он отождествляется со «значением»; в других – противопоставляется ему; в-третьих – «смыслом» называют одним из видов значения.

В этой связи мы хотим рассмотреть такие две позиции – ментализм Г. Фреге и лингвоцентризм Л. Витгенштейна, а точнее их ситуативный и фундаментальный смыслы. Опубликованные в период с 1891 г. до 1904 г. в различных специализированных журналах и изданиях труды Фридриха Людвиг Готтлоба Фреге сегодня считаются открытием новой отрасли знания – логической семантики – раздела логической семиотики, который исследует отношение языковых знаков к их значениям и делится на «теорию референции» и «теорию смысла» [3, с.31]. Вообще, говоря об истоках формирования современных концепций смысла, необходимо назвать логико-философские концепции Фреге и Витгенштейна, которые наиболее заметно повлияли на развитие всей семантики XX века. Без исследования этих базовых подходов сложно разобраться в современных семантических концепциях.

Подход Г. Фреге считается основным для классической логической семантики. Именно Фреге стал различать значение и смысл языковых выражений как объект или соотнесенность с объектом и как мнение об объекте. Его подход к проблеме смысла имеет вполне определенные логические акценты, на которые следует обратить внимание. В соответствии с концепцией Фреге, каждое определенное описание обозначает предмет как данный тем или иным способом. Например, выражение «Вечерняя звезда» репрезентирует предмет, который появляется в определенное время в определенном регионе неба. Когда тот самый предмет появляется в другое время в другом регионе неба, его называют «Утренней звездой». Г. Фреге как логика интересуется не просто мнение и его объективность, а, в первую очередь, его истинность, поскольку, с точки зрения Фреге, мысль сама по себе не является актом познания, поэтому процесс суждения он представляет, как переход от мысли к ее истинному значению. Следовательно, мысль, выраженная в суждении, является его смыслом, а значение истинности (истина или ложь) – значением. Г. Фреге распространял свое разграничение смысла и значения и на целые выражения. Значение выражения по Фреге – это условия его истинности. По мнению Фреге, смысл выражения есть его мнение [4, с.326-342].

Он разрабатывает свои понятия значения и смысла преимущественно для научного познания, которое опирается на точное обозначение объектов, на понятийное мышление. «Каждому понятийному слову или собственном имени соответствует какой-то смысл и какое-то значение» [5, с.247]. Это не распространяется, с точки зрения исследователя, на произведения художественной литературы, театра, где слова имеют только смысл, но не имеют значения. [6,с.247]. При этом смысл, по Фреге, следует отличать от представления, поскольку представление – это внутренний образ предмета, индивидуальный и, следовательно, субъективный (представления разных людей не совпадают), тогда, когда смысл «может быть общим достоянием многих людей» [7, с.153-157], т.е. объективный. На наш взгляд, концепция Г. Фреге правомерна на том уровне, на котором существуют инвариантные смыслы слов, которые передаются в одной культуре от поколения к поколению. Эти смыслы фиксируются в словарях. Они устойчивы при жизни нескольких поколений. Понятно, что они неизменны. Даже в языках науки, на которые ориентировался Г. Фреге, и которые наиболее стабильны, консервативны, существует не только смена парадигм, но и сопутствующая ей смена языков. Кроме того, нельзя игнорировать того обстоятельства, что Фреге, как один из основоположников классической математической логики, высоко ценил точность и однозначность языков математики и логики. Однозначность смысла и значения каждого знака задается здесь «по определению», «по построению». Следует, однако, иметь в виду, что, когда ученый строит свои рассуждения на естественном языке, он пытается избежать той нечеткости, неопределенности, которые характерны для естественного языка, то есть старается употреблять естественный язык как точный и однозначный.

Со времен Фреге логика изменилась. Возникли новые, неклассические системы, которые выделяют в структуре мысли другие компоненты, чем раньше. Но, бесспорно, что семантика Г. Фреге и сегодня представляет интерес, особенно для тех логических языков, которые разрабатываются в рамках классического подхода. Обратимся теперь ко второй концепции смысла, у истоков которой стоял Л. Витгенштейн. В отличие от Б. Рассела и Г. Фреге, Л. Витгенштейн заинтересовался логическими проблемами естественного языка. Он вводит два понятия, которые сыграли ключевую роль в современной семантике: это понятие «языковая игра» и понятие «способ употребления» (знака, выражения, языка). «Языковой игрой» я буду называть единое целое: язык и действия, с которыми он переплетается» [8, с.83]. Термин «языковая игра» имеет своей целью показать, что есть много вариантов речевого поведения, для каждого из которого есть свои правила, поэтому, выбирая игру, следует знать и выполнять ее правила.

Л. Витгенштейн намечает совершенно новый подход к выделению смысла языкового выражения. Как известно, если слово участвует в различных «языковых играх», оно приобретает разные смыслы. Однако, нет необходимости четко различать здесь «значение» и «смысл» в их фрегевском понимании. «Способ употребления» каждого знака и выражения может бесконечно варьироваться, но, при этом вариант речевого поведения выбирает

сам человек. Также, следует заметить, что он выбирает и стандарты, матрицы своего речевого поведения, которые приняты в «языковой игре», что включает данный способ употребления языка. Множественность смысла слова или фразы исчезает, или резко сокращается, когда сделан выбор «языковой игры». Основной тезис семантики Витгенштейна можно выразить одним предложением: значение слова – это способ его употребления.

Таким образом, в логической семантике Г. Фреге явно занимает позиции «менталиста». Так, смысл для Фреге не создается говорящим, он существует до какого-нибудь высказывания, он просто «схватывается» умом говорящих. Достаточно красноречивая аналогия, что приводит Фреге, смысл которой заключается в следующем: путешественник не создает горы, он их познает, «схватывает» зрением. Л. Витгенштейн, занимая совсем другую позицию, позицию «лингвоцентризма», стремится преодолеть односторонность этой позиции, усилить ее за счет обращения к языковой практике. Его понятие «языковой игры» и «способа употребления» знака, выражения, языка направляли исследования семантики не столько к внутренней структуре самого языка (как это делали «формалисты») или к сознанию человека (как «менталисты»), сколько к языковому поведению человека, где происходит их своеобразная «встреча». Главное, по нашему мнению, заключается в том, что ментализм Г. Фреге отличается от лингвоцентризма Л. Витгенштейна и его сторонников тем, какой именно смысл имеется в виду. Г. Фреге интересуют смысл устойчивый, универсальный, который передается от поколения к поколению, так называемый, фундаментальный смысл. Л. Витгенштейна же привлекает ситуативный смысл слов и выражений в живом общении отдельных людей. Он не является продуктом только языка, но он и не существует до языка. Он – продукт речевой деятельности, включенной в некоторую ситуацию, и зависимой от намерений коммуникантов и от возможностей языка. Очевидно, что ни один представленных концептуальных видений смысла нельзя игнорировать, поскольку они представляют два различных вида коммуникации (или точнее: два разных уровня человеческой коммуникации) с разными целями и разной структурой. И фундаментальный, и ситуативный смыслы «схватываются» слушателем и «строятся» говорящим в бесконечных процессах общения бесконечным числом способов для того, чтобы потом «вдруг» оказалось «семейное сходство» и картины мира, и правил мышления, и правил коммуникации, и правил поведения у разных народов мира. Много общечеловеческих образов, правил, ценностей и целей «просеянные» через сито человеческого общения в самом широком смысле этого слова.

Однако, перед нами две разные позиции: ментализм Г. Фреге, который направлен на выявление инвариантных, константных смыслов, и позиция Л. Витгенштейна, направленная на выявление ситуативных смыслов живого общения, практического функционирования естественных языков. Концепция Л. Витгенштейна знаменательна тем, что она выросла из «формалистской» парадигмы, и в некотором смысле является ее расширением. Автор шел «от языка», от наблюдения за работой естественного языка. Понятие же «способ употребления», «языковая игра» частично выводят его в сферу сознания: цели,

намерения, установки коммуникантов, которые стали центральными в его концепции.

Теперь рассмотрим отрасли методологии, которая наиболее релевантна «лингвоцентристским» подходам к смыслу. Такой является сфера методологий гуманитарных наук, в которой формируются «особые стандарты исследований» в гуманитарных науках, к которым, как считает В.Г. Кузнецов, «можно отнести герменевтический, исторический, феноменологический, логико-семантический, психологический, семиотический и некоторые другие» [9, с.622]. «Герменевтический методологический стандарт» характеризуется этим автором тем, что «отражение действительности в нем опосредованное текстами» как знаковыми образованиями, которые несут информацию. «Герменевтика нужна там, где существует непонимание. Если смысл как бы «скрыт» от субъекта познания, то его надо дешифровать, понять, усвоить, истолковать, интерпретировать. Все эти понятия могут быть синтезированы в общую методологическую категорию «понимания» [10, с.623]. В гносеологическом плане, все виды значений (и фундаментальные, и ситуативные) соотносятся с различными уровнями познания. Так, для эмпирического познания более характерно функционирование ситуативных смыслов, для теоретического – фундаментальных, но, следует заметить, резкого перехода между ними нет. Речь идет лишь о преимущественном виде смыслов.

Проведенный анализ двух парадигм (менталистской и лингвоцентристской) может оказаться полезным для осмысления самой возможности построения общей методологии научного познания, которая органически включает в себя и философию науки, которая построена преимущественно на изучении истории естествознания, и герменевтические методы гуманитарного познания. Для того, чтобы осуществить синтез этих двух подходов, надо найти приемлемые условия и формы синтеза их концептов. Подобно тому, как методология, которая соответствует коммуникативной парадигме, является не какой-то третьей отраслью методологии, а синтезом первых двух (что позволяет сделать обе парадигмы более эффективными), так и общая методология научного познания, синтезируя взаимодополняющие друг друга подходы, находит место и ценность для каждого результата, полученного как в философии науки, так и в герменевтической методологии. Попытки преодолеть резкое противопоставление методологии естествознания и методологии гуманитарных наук на сегодняшнем этапе проявляют себя в различных формах. Например, с помощью выделения философского и общенаучного уровней методологии, с помощью выделения «метатеоретического знания», «метафилософии науки» [11, с.129]. В.А. Лекторский обсуждает постмодернистский вариант более радикальных изменений, связанных с переходом от текста как основного носителя смысла и «объективного знания» (К. Поппер) к аудиовизуальным средствам. Речь идет о вытеснении книжной (текстовой культуры) аудиовизуальной культурой, о последствиях этого замещения, в том числе, о «возникновении другого типа личности с достаточно размытой, если не пропавшим осознанием собственной идентичности», поскольку последняя

предполагает возможность саморефлексии, возникающей «на основе объективации сознания в виде письма» [12, с.6]. Философия науки, которая вырастает именно в текстовой культуре, начинает терять, по мнению многих, свои культуросозидающие функции. В.А. Лекторский считает эти опасения преувеличенными, однако признает необходимость неизбежных изменений самого отношения к знанию, к методологии познания.

Классические подходы уступают место неклассическим. Их противостояние происходит по разным признакам. Для классической эпистемологии и методологии науки характерны гиперкритицизм, фундаментализм, субъектоцентризм, наукоцентризм, а для неклассической – доверие к традиции, учета конкуренции и дискуссии таких традиций, отказ от фундаментализма, от субъектоцентризма, новое понимание «внутренних» состояний сознания [13, с.7]. Неклассическая методология строится вокруг понимания знания как культурного феномена, как коммуникативного феномена: от знания как господства стоит переходить «к знанию как к диалогу того, кто познает и того, что познается, каждый из которых играет роль самостоятельного партнера» [14, с.11]. На наш взгляд, те процессы в методологии изучения смысла, которые рассмотрены нами, вполне могут быть рассмотрены как модель, образ ситуации в методологии современного научного познания в целом. Дальнейшее развитие различных ее отраслей дает многочисленные примеры их реального синтеза, при всем различии и даже антагонизме исходных принципов.

Внутренняя логика развития философии науки с необходимостью приводит к обращению к духовности человеческой культуры, внутренне связанной с ценностями и идеалами не только познания, но и жизни вообще, и, прежде всего, общения и взаимопонимания людей. Как пример, можно привести существование таких феноменов, как этика науки, этос науки, этическая экспертиза и т.д. Наряду с теоретическим осмыслением этического аспекта научных исследований в этике науки формируются «живые» моральные нормы, которые функционируют в реальных исследованиях, которые регулируют поведение ученых относительно научного знания, общества и государства, к себе (по С.А. Лебедеву) [15, с.294-296]. Следует подчеркнуть, что сама система ценностей-императивов для науки также переживает изменения: наряду с коллективизмом, признанием социального характера научной информации, все чаще фигурирует личная, индивидуальная ответственность ученого перед истиной, перед наукой, перед самим собой, перед обществом. Герменевтика как методология познания часто противопоставляется философии науки по двум признакам. Во-первых, по их отношению к жизни, практике человека в самом широком ее понимании. «Мы переходим от мира науки к миру жизни», – пишет Г.-Г. Гадамер, и затем продолжает: «Герменевтика – это практика» [16, с.7-8]. Во-вторых, за их пониманием истины и опыта: «Фундаментальная истина герменевтики такова: истину не может познавать и сообщать кто-то один. Всемерно поддерживать диалог... – вот в чем душа герменевтики» [17, с.7-8]. Широкое понимание жизни, опыта приводит герменевтическое учение к признанию каких-то

констант, ценностных универсалий культуры, которые «высвечиваются» в искусстве, религии, политике, других сферах жизни личности и общества, и без которых невозможно взаимопонимание людей. Как видно, обе области методологии (и герменевтика, и методологии в философии науки) приходят к осознанию ценности концептов культуры, «фундаментальных социальных констант», которые выражают стиль, строй, порядок максимально налаженного социального бытия [18, с.268]. Нетрудно увидеть близость понятий «фундаментальные константы бытия», «константы культуры», «инвариантные цели-ценности культуры». Философия науки не сводит константы картин мира только к категориям, которые структурируют природу. Она включает сюда и категории, структурирующие поведение человека («этнос науки», «этика науки»).

Таким образом, создаются условия для синтеза концептов двух систем методологии. Эти концепты формируются как константы культуры, то есть в сфере гораздо более широкой, чем только наука или только искусство. Понятие «жизненный мир» отражает этот общий момент для всех направлений методологии, познания, освоения мира. Соответственно, изучение различных форм и уровней жизненного мира возможно только в контексте человеческого общения в самом широком его понимании. Именно поэтому общая методология познания может быть коммуникативной. Смысловое поле культуры сложно разделить на локальные тематические участки, которые отвечают данному коммуникативному действию. Одной ссылки на цели недостаточно, поскольку она является производным от ценностей. Как отмечает А. Лой, «в каждой цели есть ее ценностная составляющая; цель (отметка) – образ должного будущего, который закрепляет интенциональные акты «стремлений, целенаправленности» [19, с.39]. Обсуждая проблему возможной единой методологии исследования смысла, мы ни в коей мере не склонны понимать ее как простое дополнение менталистского подхода прагматикой.

Соответственно, если возможна новая форма методологии познания, она может возникнуть как синтез методологических приемов философии науки и герменевтического опыта гуманитарных наук. Такой синтез основывается на том, что смысл в своей сущности коммуникативен. И не потому только, что возникает в коммуникации. Смысл коммуникативен в том отношении, что он порождается в процессе взаимодействия подсистем адресанта и адресата, их общения в некотором жизненном мире. Именно так задается форма их синтеза, а не столько языком, текстом, субъектами-одиночками. Хотя смысл – всегда результат синтеза языковых, речевых значений текстов с концептами-константами жизненного мира коммуникантов, которые включают в себя единство знания и ценности. То есть, смысл – всегда результат синтеза смыслов коммуникантов на уровне концептов, на уровне структур, на уровне субстратов, на уровне систем в целом.

Завершая рассмотрение обозначенных проблем, сформулируем следующие выводы. Одним из концептуальных видений смысла является понимание его как сложной, многослойной, внешней системы. Это можно продемонстрировать на примере понятия, которое является элементом

(субстратом) в моделях смысла, и относительно самостоятельной системой. Системность смысла, который выражен понятием, проявляется в нескольких планах. То, что обычно считается смыслом понятия – его содержание – это значение (информация о мире), это лишь компонент смысла. Информация становится смыслом, только если она включается в некоторую целостную ситуацию коммуникации, в «жизненный мир», что предполагает обязательное участие в нем ценностных ориентаций, целей, принципов, универсальных смыслов – констант культуры.

Анализ современных подходов позволяет предположить, что единая методология исследования смысла может быть основана на коммуникативной парадигме, которая объединяет достоинства обеих, так сказать, «односторонних» парадигм, одновременно во многом устранив их недостатки.

Так, в парадигме ментализма хорошо исследуются концепт и субстрат, но почти совсем не исследуется структура, то есть, способ их связи. В парадигме лингвоцентризма хорошо изучен «средний уровень» модели понимания смысла, но не изучается уровень концепта и субстрата. Как видно, отношение дополнительности имеет место и между моделями смысла, и между парадигмами. Таким образом, коммуникативная парадигма синтезирует и модели, и методы их изучения. Исследование смысла с позиций коммуникативного подхода позволяет заключить, что значение и смысл – не одно и то же: смысл – это всегда результат синтеза значения и параметров жизненного мира, результат отношения более высокого порядка, чем значение. Необходимым моментом понимания смысла есть его принятие или непринятие адресатом. Необходимым моментом продуцирования смысла есть авторская компетенция относительно адресата, его возможностей понимания. Необходимым моментом образования коммуникативного смысла является синтез (который предполагает хотя бы частичное объединение) смыслов S1 – говорящий (адресант) и S2 – слушатель (адресат) на уровне концептов, на уровне структур и на уровне субстратов соответствующих подсистем коммуникации.

Рассмотрение и анализ существующих концепций смысла в логической и лингвистической семантике, философии языка, междисциплинарных сферах позволил выделить в качестве господствующих две парадигмы изучения смысла, условно названных «менталистской» и «лингвоцентристской». Процесс постепенного формирования коммуникативной парадигмы изучения смысла основывается на наличии ряда предпосылок и методологических средств для ее построения. Но единой сформированной коммуникативной парадигмы, как таковой, пока не существует. Суть коммуникативной парадигмы состоит в утверждении коммуникативной природы смысла как такового. Любой смысл является коммуникативным в том аспекте, что он рождается не только в подсистемах адресанта S1 и адресата S2, он рождается в процессе их столкновения, взаимодействия в некотором «жизненном мире», что задает форму их синтеза.

Смысл возникает в результате взаимодействия подсистем коммуникации с концептами-ценностями жизненного мира, отсюда вытекают три вывода: а) о

том, что смысл и значение, смысл и информация – понятия не тождественные; б) смысл всегда эмоционально окрашена, сопровождается экспрессией разного рода, он не только понимается, но и переживается; в) смысл всегда вызывает или принятие, или непринятие – он влияет на коммуникантов. Возможным основанием единой методологии исследования смысла, является концепт жизненного мира коммуникантов. Центральным элементом жизненного мира – компоненты, которые соединяют в себе знания и ценности и образуют «биполярное ядро» жизненного мира, сопоставление с которым (эксплицитное, но чаще имплицитное) – необходимое условие возникновения смыслов. Это «биполярное ядро» может ассоциироваться с тем, что в литературе называется «концептами культуры», «константами культуры», «фундаментальными социальными константами». «Жизненный мир» как источник концептов, который порождает смыслы, – это понятие, которое включает в себя также и духовный аспект бытия человека. Это не особая «сфера», «слой» духовности, которые ассоциируются с «верхним этажом» какого-то дома. Духовный аспект присутствует на всех уровнях бытия, как его необходимый компонент, и, следовательно, на всех уровнях коммуникации, на всех уровнях функционирования значений. Это и позволяет осуществляться смыслам.

Список использованной литературы

1. Сумарокова Л.М. Основы логіки / Л.М. Сумарокова. – Одеса: Юридична література, 2000. – С.39.
2. Сумарокова Л.Н. О соотношении простоты и системности в лингвистических теориях / Л.Н. Сумарокова // Системный анализ и научное знание. – М.: Наука, 1978. – С. 186-201.
3. Хоменко І. В. Логіка – юристам / І.В. Хоменко. – К.: Четверта хвиля, 1997. – С31.
4. Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Г. Фреге Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова под ред. З.А. Кузичевой: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 326-342.
5. Фреге Г. Размышления о смысле и значении // Г. Фреге Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 247.
6. Там же. - С. 247.
7. Фреге Г. О научной правомерности исчисления понятий // Г. Фреге Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова под ред. З.А. Кузичевой: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 153-157.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования // Л. Витгенштейн Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. – С. 83.
9. Философия. Учебник / Под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. – М. Академический проект, 2003. – С. 622.
10. Там же. - С. 623.
11. Лебедев С.А. Философия науки / С.А. Лебедев. – М.: Академический проект, 2004. – С. 129.
12. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 6.
13. Там же. - С.7.
14. Там же. - С.11.
15. Лебедев С.А. Философия науки / С.А. Лебедев. – М.: Академический проект, 2004. – С.294-296.
16. Гадамер Г.-Г. Истина и метод / Г.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – С. 7-8.

17. Там же. - С. 7-8.
18. Лебедев С.А. *Философия науки* / С.А. Лебедев. – М.: Академический проект, 2004. – С.268.
19. Лой А. *Мета та ціль: ідеали та цінності* / А. Лой // *Філософські студії Київського університету*. – Вип.1. – 1995. – С. 39.

REFERENCES

1. Sumarokova L.M. *Fundamentals of logic* / L.M. Sumarokova. - Odessa: Legal literature, 2000. - P. 39.
2. Sumarokova L.N. *In the balance of simplicity and consistency in linguistic theories* / L.N. Sumarokova // *System analysis and scientific knowledge*. - M.: Nauka, 1978. - P. 186-201.
3. Khomenko I.V. *Logic for the lawyers* / I.V. Khomenko. - K.: the Fourth wave, 1997. - P. 31.
4. Frege G. *He Thought. Logical research* // G. Frege *Logic and logical semantics: collected works* / [translated from German B.V. Biryukova Ed. by Z.A. Kuzicheva: a manual for students]. - M.: Aspect Press, 2000. - P. 326-342.
5. Frege G. *Reflections on the sense and meaning* // G. Frege *Logic and logical semantics*. - M.: Aspect Press, 2000. - P. 247.
6. *Ibid.* - P. 247.
7. Frege G. *About the scientific legitimacy of calculus concepts* // G. Frege *Logic and logical semantics: collected works* / [translated from German B.V. Biryukova Ed. by Z.A. Kuzicheva: a manual for students]. - M.: Aspect Press, 2000. - P. 153-157.
8. Wittgenstein L. *Philosophical investigations* // L. Wittgenstein *Philosophical works. Part I*. - M.: Gnosis, 1994. - P. 83.
9. *The philosophy. Textbook* / Ed. by A.F. Zotova, V.V. Mironova, A.V. Razina. - M. Academic project, 2003. - P. 622.
10. *Ibid.* - P. 623.
11. Lebedev S.A. *Philosophy of science* / S.A. Lebedev. - M.: Academic project, 2004. - P. 129.
12. Lectorskiy V.A. *Epistemology of classical and non-classical* / V.A. Lectorskiy. - M.: Editorial URSS, 2001. - P. 6.
13. *Ibid.* - P. 7.
14. *Ibid.* - P. 11.
15. Lebedev S.A. *Philosophy of science* / S.A. Lebedev. - M.: Academic project, 2004. - P. 294-296.
16. Gadamer H.-G. *Truth and Method* / H.-G. Gadamer. - M.: Progress, 1988. - P. 7-8.
17. *Ibid.* - P. 7-8.
18. Lebedev S.A. *Philosophy of science* / S.A. Lebedev. - M.: Academic project, 2004. - P. 268.
19. Loy A. *Goal and purpose: the ideals and values* / A. Loy // *Philosophical studios of the University of Kiev*. - Vol.1. - 1995. - P. 39.

СТОРОЖУК А.П., аспірант кафедри філософії та методології науки Київського національного університету імені Тараса Шевченка (Україна, Київ), M-Mel@ukr.net

КОМУНІКАТИВНИЙ ПІДХІД В СУЧАСНІЙ МЕТОДОЛОГІЇ ДОСЛІДЖЕННЯ СМISЛУ

В статті розглядається значення методології дослідження смислу, яка заснована на комунікативній парадигмі, що поєднує достоїнства як менталістської так й лінгвоцентристської парадигм, одночасно усуваючи їхні недоліки. Парадигми припускають різні методології дослідження, щодо яких сформульовані три тези. По-перше, вони мають протилежну спрямованість. По-друге, мають свої онтологічні передумови, що роблять їх

однаково обґрунтованими. Та по-третє, внутрішня логіка їхнього розвитку спрямована на зближення. У статті репрезентовано процес поступового формування комунікативної парадигми вивчення смислу. Також, розглядаються дві логіко-філософські концепції, які вплинули на розвиток всієї семантики.

Ключові слова: *смысл, парадигма, комунікація, мова, логічна семантика, текст, концепція.*

Storozhuk, Anna, PhD student at the Department of Philosophy and methodology of science Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine, Kiev), M-Mel@ukr.net

THE COMMUNICATIVE APPROACH IN MODERN RESEARCH METHODOLOGY OF SENSE

In this article is considered the meaning of methodology of researching the sense, which is based on communicational paradigm, that unites advantages of mentalist and lingvocentric paradigms, simultaneously eliminating their disadvantages. Paradigms provide different research methodology, which is formulated three of the thesis. First, they have opposite orientation. Secondly, have their ontological assumptions that make them equally valid. And thirdly, the internal logic of their development aimed at rapprochement. The article presents the process of gradual formation of the communicative paradigm of the study of sense. Also, consider two logical-philosophical concepts that have influenced the development of the whole semantics. The analysis of two different types of communication with different goals and different structure, namely the fundamental and situational. You are trying to overcome a sharp contrast to the methodology of natural science and methodology of the Humanities. In linguistics and logic, logical semantics has accumulated a vast amount of material directly related to the analysis of the concept of «sense» that the sense of linguistic expressions is one of the most significant manifestations of sense. Other manifestations of sense in action, in life, in history, and so on – can also be represented in the language, if the language to understand quite extensively. The term «sense» is understood in logical semantics is ambiguous. In some cases, it is identified with the «meaning», others opposed him, thirdly, «sense» called one of the kinds of meaning. Attempts to overcome a sharp contrast to the methodology of natural science and methodology of the humanities at the present stage manifest themselves in various forms. Namely, by highlighting the philosophical and scientific levels methodology. One of the conceptual visions sense is understanding it as a complex, multi-layered, the external system. This can be illustrated by the concept, which is an element (substrate) in models of sense, and relatively independent system. Consistency of sense, which is expressed by the concept that manifests itself in several plans. What is usually considered the sense of the concept and its content is the meaning (information about the world), it is only a component of sense. Information becomes sense only if it is included in some comprehensive communication situation, in the «life-world» that requires mandatory participation in value orientations, objectives, principles, universal sense constants culture.

Key words: *sense, paradigm, communication, language, logic semantics, text, concept.*

Дата надходження рукопису 10.02. 2015 року

Рекомендовано до публікації 20.02.2015 року